

А.В. Логинов, Н.Н. Мещерякова

**РОССИЙСКАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАК ОСНОВА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹**

***Аннотация.** В статье прослеживается сложный и многогранный процесс формирования российской коллективной идентичности в контексте исторических, политических и социокультурных изменений. В работе исследуются ключевые концепции и идеи, определявшие российскую идентичность на разных этапах: от идеи «Третьего Рима» и «официальной народности» до евразийства, советского проекта «единой семьи народов», концепции гражданской нации В.А. Тишкова и идеи «Русского мира». Особое внимание уделяется вызовам современности, связанным с переходом к сетевому обществу: фрагментации социальных связей, кризису больших нарративов, ослаблению традиционных источников онтологической безопасности и росту экзистенциальной тревоги. В статье анализируется, как множественные коллективные идентичности и социальные движения становятся новыми формами солидарности и смыслопорождения. Авторы утверждают, что в условиях поздней современности коллективная идентичность (особенно в гражданском, надэтническом формате) остается критически важной для социальной сплоченности, легитимности государства и обеспечения онтологической безопасности граждан. Успешный поиск современной российской идентичности требует синтеза исторического опыта с пониманием сетевой логики общества, способности сочетать общегражданское единство с признанием внутреннего многообразия. Эта задача рассматривается как необходимое условие устойчивого развития России в XXI веке.*

***Ключевые слова:** коллективная идентичность; сетевое общество; онтологическая безопасность; евразийство; Русский мир; гражданская нация.*

**Логинов Андрей Викторович – доктор политических наук, РГГУ, ректор.
Россия, Москва.
E-mail: rsuh@rsuh.ru
Author ID (РИНЦ): 727087**

1. Данная публикация подготовлена в рамках реализации госзадания по НИР «Социокультурная идентичность и социальная структура российского общества», шифр научной темы: FSZG-2026-0008

Мещерякова Наталия Николаевна – доктор социологических наук, доцент,
РГГУ, зав. кафедрой политической социологии и социальных технологий.
Россия, Москва.

E-mail: Natalia.tib@mail.ru

SPIN-код (РИНЦ): 8265-0899

Author ID (РИНЦ): 641303

Web of Science Researcher ID: O-1827-2015

Scopus Author ID: 57204495035

Loginov A. V., Meshcheryakova N. N.

Russian Collective Identity as the Foundation of Ontological Security²

Abstract. *This article traces the complex and multifaceted process of shaping Russian collective identity within the context of historical, political and socio-cultural changes. The work examines key concepts and ideas that have defined Russian identity at various stages: from the idea of the “Third Rome” and “Official Nationality” to Eurasianism, the Soviet project of a “united family of peoples”, V. A. Tishkov’s concept of a civic nation, and the idea of the “Russian World”. Special attention is paid to contemporary challenges associated with the transition to a network society: the fragmentation of social ties, the crisis of grand narratives, the weakening of traditional sources of ontological security, and the rise of existential anxiety. The article analyzes how multiple collective identities and social movements are becoming new forms of solidarity and meaning-making. The author argues that, in the conditions of late modernity, collective identity – especially in a civic, supra-ethnic format – remains critically important for social cohesion, state legitimacy, and ensuring the ontological security of citizens. A successful search for a contemporary Russian identity requires synthesizing historical experience with an understanding of the network logic of society and the ability to combine all-civic unity with recognition of internal diversity. This task is viewed as a necessary condition for Russia’s sustainable development in the 21st century.*

Keywords: *collective identity; network society; ontological security; Eurasianism; Russian World; civic nation.*

Loginov Andrey Viktorovich – Doctor of Political Sciences, RSUH, Rector.
Russia, Moscow.

E-mail: rsuh@rsuh.ru

Author ID (РИНЦ): 727087

2. This publication has been prepared as part of the implementation of the state research assignment on «Sociocultural Identity and Social Structure of Russian Society», scientific topic code: FSZG-2026-0008.

**Meshcheryakova Nataliya Nikolaevna – Doctor of Sociological Sciences, RSUH,
Head of the Department of Political Sociology and Social Technologies. Russia,
Moscow.**

E-mail: Natalia.tib@mail.ru

SPIN-код (РИНЦ): 8265-0899

Author ID (РИНЦ): 641303

Web of Science Researcher ID: O-1827-2015

Scopus Author ID: 57204495035

Введение

Поиски российской идентичности начались в тот момент, когда правители и интеллектуалы Московского государства осознали его самобытность, особенность, потеряли поводья в лице Византийской империи и Константинопольского патриархата и предъявили претензии стать «Третьим Римом», наследником империи и центром православного мира (XVI в.). С этого времени поиск российской политической и культурной идентичности не прекращался никогда. В Российской империи он выражался в противостоянии почвеннической (славянофилы) и западнической интеллектуальных традиций. В середине XIX в. была сформулирована концепция, которую можно рассматривать в духе П. Бурдьё [Бурдьё 2016] как проявление символического насилия со стороны государства. Имеется в виду «Теория официальной народности» С. Уварова, целью которой было создание единой национальной идентичности, основанной на русской культуре, языке и религии. Ее можно считать первым проявлением русского национализма в сознании и политике, который содержал такие элементы как: использование церкви в качестве инструмента власти, ставка на традиционализм и казенный патриотизм [Гольцов 2021].

Ответом интеллектуальной элиты можно рассматривать теорию Евразийства, разработанную в 1920–1930-х годах Николаем Трубецким, Петром Савицким и др. Евразийство предполагает, что Россия является уникальной цивилизацией, которая сочетает в себе элементы европейской и азиатской культур. Эмигрантская интеллектуальная элита пыталась найти новый путь для России после революции 1917 г. «Теоретический минимум Евразийства» [Вахитов 2023] состоит в признании особенности культурно-исторического пути России как евразийской державы и нации, включающей наряду со славянским православным еще и «туранский» (фино-угры, тюрки) компонент, «многогородная нация» [Трубецкой 1925, с. 39], особенностями которой являлись героизм, аскетический и подвижнический, личная преданность и идеократичность (подчиненности человеческой жизни высшим идеям).

Большевики не пошли по пути русского национализма по крайней мере официально, провозгласив равенство всех наций и народов и их право на са-

моопределение. Но изначально политика была противоречивой, построенной на укреплении культурных и национальных традиций при недопущении политического сепаратизма [Мартин 2011]. После выступления И. Сталина с докладом «О проекте Конституции СССР» в 1936 г. в официальной идеологии советской власти прочно закрепились идея-символ «Советский Союз – единая семья советских народов». Несмотря на все противоречия и непоследовательность национальной политики после нее в России не было сформулировано ни одной национальной идеи, обладающей такой же степенью аттрактивности. Об этом свидетельствует ее живучесть в сознании поколений, прошедших первичную социализацию в СССР.

После начала «парада суверенитетов» и распада СССР, когда сепаратистские настроения затронули уже не только союзные республики, новая Россия нуждалась в концепции, которая противопоставила бы этническому сепаратизму гражданское и политическое единство, и в основу Концепции государственной национальной политики Российской Федерации было положено сформулированное В.А. Тишковым понятие «Российская гражданская нация» [Тишков 1994]. В то же время, в 1995 г. в Великобритании имели место так называемые Уорикские дебаты между Э. Геллнером и Э. Смитом по вопросу, что лежит в основе нации современного государства: этничность или гражданственность [Hutchinson, Smith 2000]. Геллнер отстаивал точку зрения, что языковая стандартизация и культурное однообразие есть условие политической легитимности и возможности коллективных действий [Геллнер 1991]. Так что этот вопрос был актуальным не только в России.

В.А. Тишков, который продолжает исследование российской идентичности в условиях этнокультурного и религиозного многообразия, пишет о том, что Россия – это и нация, и цивилизация, а российский народ – это нация наций [Тишков 2023, с. 21], признавая, что многим россиянам приходится существовать в условиях двойной и даже еще более сложной идентичности. Этот подход к определению российской нации разрабатывается в НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала».

Но ни идея русского национализма, ни идея евразийства не были забыты в современной России. Зачастую они сложно переплетаются в творчестве отдельных интеллектуалов. Примером являются взгляды Александра Дугина, который, с одной стороны, считается основателем неоевразийства, призывает к созданию единого политического и экономического пространства на территории Европы и Азии, но с другой – считает русских наиболее приоритетным евразийским этносом, следуя за «последним евразийцем» предыдущей волны Л.Н. Гумилевым, даже суперэтносом, а поэтому и лидером евразийской интеграции [Дугин 2014]. А.В. Логинов в своей монографии заметил, что идея «Евразии» использовалась интеллектуалами и политиками на протяжении бурного XX в. для определения уникального пути России, отличного от Запада,

но синтезирующего элементы Востока и Запада в рамках собственной имперской и советской истории [Логинов 2013]. Идеи евразийства неожиданно переплелись с официальной советской идеологией (единный союз наций), а также встретили поддержку у мусульманских интеллектуалов, которые увидели в нём формулу равноправного цивилизационного единства для народов исторической России [Логинов 2017].

Особняком стоит концепция «Русский мир». Авторами считаются члены Московского методологического кружка, собравшегося вокруг Г.П. Щедровицкого. Она подразумевает, что членами Русского мира являются не только те, кто живет в России, но все, кто говорит на русском языке и сохраняет традиции русской культуры, т.е. имеет русскую идентичность. Изначально концепция была сильно политизирована с обеих сторон нового железного занавеса. Понятие «Русский мир» как цивилизационная общность и Российской Федерации как его ядра заложено в Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года №229). И Россия берет на себя обязательство защищать русскоговорящих в связи с их систематической дискриминацией в ряде государств. Поэтому политические оппоненты считают эту концепцию прежде всего проявлением российского неоимпериализма. Она осмысливается как реваншистская, ставящая целью восстановление границ или влияния России до уровня Советского Союза и Российской империи [Götz, Merlen 2019].

В этой политической полемике теряется научная составляющая идеи Русского мира, изложенная, в частности, Петром Щедровицким. В своей статье «Русский мир. Возможные цели самоопределения» он задается вопросом: сохранилась ли на территории бывшего СССР воля мыслить и действовать в историческом масштабе? Каковы возможные цели русского самоопределения? Он полагает, что «человеческое общество представляет собой рефлексивную полисистему, в которой идеи и представления, которыми пользуются люди для осмысления своего прошлого и проектирования будущего, реальнее, чем фактическое положение дел. Представления есть реальность, а знания – суть идеи-силы, влияющие на способы самоопределения и взаимодействия людей. Именно технологии мышления и понимания человеком самого себя (своего места в мире) и закрепляющие их идеологии, получившие массовое распространение, становятся ведущим фактором исторического взлета и падения обществ и государств» [Щедровицкий 2000]. Необходимо искать обеспечивающие развитие способы мышления. Щедровицкий пишет, что на планете сложилась сетевая структура «больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке», которую он называет Русским миром. Автор считает, что в современном мире все больше и больше стирается граница между «внешним» и «внутренним». Между внешним и внутренним рынком, например. Между населением, живущим «внутри» страны, и диаспорой. Диаспоры,

антропоструктуры и мировые сети становятся центрами выработки и принятия решений, которые затем оформляются государственными обязательствами. Также философ обращает внимание, что чем большему числу отдельных граждан других государств нужна Россия, тем устойчивее позиции России в мире. Основы устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах Русского мира, в политике конструктивного развития его мировых сетей [Щедровицкий 2000].

Одно время, обучаясь вместе в МГУ, посещая научные семинары, близко общались Г. Щедровицкий и А. Зиновьев, но взгляды их в итоге разошлись. И русская идея последнего отличается от Русского мира сына первого. Она откровенно антилиберальная и антизападническая. Если бы ни его эсхатология неизбежного краха России как государства и общества, а также апологетика советской системы как естественного продукта развития русского народа, – могла быть иметь больше поддержки в общественном дискурсе [Зиновьев 1996]. Не совсем понятно, кто является у автора носителем русской идеи. Если это только этнические русские, то как строятся отношения с остальными нациями и народами СССР? Сам Зиновьев говорил: «Для меня “человек” – это абстракция. Нет такого явления – “человек”. Есть – русские, украинцы, грузины, узбеки, таджики...»³. Но каково их отношение к русской идее – не прояснено.

Сетевое общество

Кроме концепции «Русский мир» остальные не выходят за рамки территориальности и государственности, не учитывают сетевую структуру современного общества. Между тем она меняет характер социальных отношений и социальности как таковой. Райни и Велман пишут о тройной революции: компоненты которой: рост социальных сетей, способность Интернета расширять возможности индивидов и постоянное подключение мобильных устройств. Это выводит личные отношения за пределы семьи и района, преобразует работу в менее иерархические, более командные формы, поощряет индивидуумов создавать и обмениваться контентом и изменяет способы получения информации [Rainie, Wellman 2012]. Это формирует «слабые связи» [Granovetter 1973], сила которых заключается в том, что они могут предоставить уникальный набор преимуществ, особенно в плане распространения информации, поиска работы, инноваций, социальной мобильности и продвижения по социальной лестнице.

Мануэль Кастельс в ставшей уже классической работе [Castells 1996] показал, как сетевые структуры одновременно и соединяют людей по интересам, и разрывают традиционные пространственные и иерархические связи. Проис-

3. Зиновьев А. Из интервью порталу КМ.ру в 2003 году. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/4238> (дата обращения: 21.02.2026).

ходит фрагментация социальной ткани общества. Люди замыкаются в частной жизни, своих семьях. И это не худший вариант, растет число одиночек [Пузанова 2009]. Исчезают соседские отношения, падает участие в локальных сообществах, профсоюзах, это ослабляет горизонтальные связи. В социальных сетях создаются группы, которые действуют как эхо-камеры [Брунс 2023], усиливая поляризацию дискурсов. Исчезает общее поле для диалога.

Наблюдается кризис больших нарративов, ослабление объединяющих идей (от социализма до либерального прогресса). Растет социальная аномия, которую, в том числе, провоцирует рост рефлексивности социальных акторов [Мещерякова 2014]. Снижается способность к коллективным действиям, разорванному обществу сложно договориться и вместе решать общие проблемы. Атомизированное общество, лишённое доверия и общей цели, легче расколоть и натравить одни группы на другие. Исчезает ощущение онтологической безопасности.

Онтологическая безопасность

Онтологическая безопасность – это чувство устойчивости бытия и доверия к миру, ощущение, что жизнь имеет смысл, она предсказуема, а социальный порядок устойчив. Её отсутствие ведет к экзистенциальной тревоге, дезориентации и кризису идентичности. Сам термин ввел в научный оборот Э. Гидденс в 1990 г. в своей работе «Последствия современности». Он называет два важнейших фактора, которые формируют этот социальный феномен. Первый фактор – «доверие». «Дозу доверия» индивиды получают в раннем возрасте в случае «нормальной ранней социализации». Это прививка от постоянной экзистенциальной тревоги, которая сопровождает человека в современной жизни [Гидденс 2011, с. 225]. Доверие к другим людям, институтам, правилам позволяет не тревожиться о том, что будет завтра, за безопасность себя и близких, надеяться, что не бросят в беде, окажут помощь, поддержат и пр.

Во взрослом возрасте наряду с доверием основой онтологической безопасности являются рутинные практики, которые создают ощущение предсказуемости и порядка, «приручая» хаотичную природу времени и социальной жизни [там же, с. 213].

Социальным противоречием является то, что в современном мире традиционные источники онтологической безопасности (религия, местная община, неизменные обычаи) ослабевают. Мир становится более сложным, рефлексивным и подверженным рискам. Это подрывает чувство онтологической безопасности и порождает характерную для нашего времени тревожность, дезориентацию и кризис идентичности.

Эта новая, вторая, поздняя современность в терминах Э. Гидденса, У. Бека и др. характеризуется иным профилем риска. Несмотря на то, что здесь минимизированы некоторые формы риска, свойственные традиционным обще-

ствам, например, голод из-за неурожая, взамен возникли рукотворные риски: от применения разрушительных вооружений или потери контроля над ними до нестабильности финансовых рынков [Гидденс 2011, с. 273–274].

Переложение понятия «онтологическая безопасность» с уровня индивида на групповой и даже государственный уже делалось в науке [Ejdus 2020]. Мы полагаем, что аналогом гиденсовского доверия на групповом уровне может выступать коллективная идентичность. И именно она может являться противовесом нарастанию угроз в неравновесном и постоянно «становящемся» мире [Sztompka 1991]. Это чувство принадлежности, общности и единства, которое формируется у группы людей на основе разделяемых ими признаков, ценностей, опыта или интересов. Это ответ на вопрос «кто мы?», задаваемый не индивидом о себе, а группой и обществом о себе в целом.

Но вместо коллективной идентичности как большого социального проекта, современность скорее порождает коллективные идентичности во множественном числе, которые, перекрывая друг друга, ткут новую сеть отношений, сшивающих ткань общества.

Коллективные идентичности

Альберто Мелуччи исследовал коллективные идентичности на примере современных социальных движений второй половины XX в. [Melucci 1989]. Он обратил внимание на изменение их характера. Это уже не только и не столько политические действия, как это было ранее. Это совместные действия, которые создают коллективные идентичности в обществах, где идентичность стала фрагментированной. В системе этих социальных взаимодействий рождаются потребности, ценности и способы жизни. Идентичность современных кочевников постоянно переопределяется через участие в сетях и складывающихся в них практиках.

Согласно автору, главный вклад новых движений (экологического, движения за альтернативный образ жизни и др.) заключается не в прямом политическом захвате власти, а в производстве новых систем значений, которое происходит в социальных сетях и повседневной жизни, часто невидимо для традиционных политических институтов. В книге объясняется парадокс: как в эпоху индивидуализма возможны коллективные действия. Мелуччи показывает, что современные движения возникают именно на стыке личных, экзистенциальных потребностей и коллективных задач. Они предлагают ответ на вопрос «кто я?» через солидарность с другими.

Вопреки широко распространенному представлению об индивидуализме современных западных обществ канадский социолог и философ Чарльз Тейлор писал, что свободные, демократические, стремящиеся к равенству общества требуют сильной идентификации со стороны своих граждан. «В гражданско-гуманистической традиции всегда отмечалось, что свободные общества, опи-

рающиеся на стихийную поддержку своих членов, нуждаются в сильном чувстве привязанности, которое Монтескье называл *vertu*» [Тейлор 2006, с.130].

В работе 2007 г. «The Secular Age» Чарльз Тэйлор, опираясь на идею Э. Дюркгейма о «чувстве священного», которое составляет основу любого общества, объяснил, что оно носит не обязательно религиозный характер. Это чувство – социальная потребность, которая может реализоваться через коллективные идентичности: мы – семья, мы – нация и др.

Коллективные идентичности могут возникать как на объективных основаниях: этнической общности, языковой, территориальной, поколенческой, так и на субъективных: чувстве «мы», осознании границ с «не мы», общих интересов, судьбы, ценностей, исторической памяти, культурных символов, идеалов/идей, стиля жизни, опыта борьбы или преследования. Это «социальные конструкторы», которые создаются, транслируются, сохраняются, изменяются через коммуникацию, ритуалы, общие («рутинные», сказал бы Э. Гидденс) практики.

У коллективных идентичностей есть свои функции в обществе:

- интегративная и сплачивающая: даёт чувство поддержки, солидарности и защищенности;
- смысловая и ценностная: предлагает систему координат для понимания мира и своего места в нём;
- мобилизационная: является основой для коллективных действий;
- легитимирующая: оправдывает существование и права группы.

Коллективные идентичности являются мощнейшим источником онтологической безопасности. Они дают человеку ощущение стабильности, укорененности в некоем непрерывном целом (истории, традиции), понимание правил и норм «своей» группы, признание и самоуважение: через принадлежность к значимой общности.

Коллективные идентичности во множественном числе не отменяют большой нарратив – национальную идею. Но множественность смыслов коллективного существования делает социальную ткань плотнее и устойчивее к разрывам.

Заключение

Российская идентичность никогда не была статичной; она постоянно переосмысливалась и трансформировалась под влиянием как внутренних дискуссий, так и внешних вызовов. От концепции «Третьего Рима» и теории официальной народности до евразийства, советского интернационализма, гражданской нации и идеи «Русского мира». Каждый из этапов отражал попытки ответить на вопрос «кто мы?» и предложить основу для национального единства.

В современную эпоху, характеризующуюся сетевым характером социальных отношений, фрагментацией социальных связей и кризисом «больших

нарративов», проблема идентичности приобретает особую остроту. С одной стороны, наблюдается рост множественных, пересекающихся коллективных идентичностей, которые формируются вокруг культурных, профессиональных, цифровых и иных сообществ. С другой стороны, ослабевают традиционные источники онтологической безопасности (религия, локальная общность, неизменные обычаи), что ведет к росту экзистенциальной тревоги, социальной аномии и затрудняет достижение общественного согласия.

В этих условиях коллективная идентичность, особенно в её гражданском, надэтническом измерении, становится не только ответом на потребность в смысле и принадлежности, но и необходимым условием социальной сплочённости, способности к коллективным действиям и устойчивости общества перед лицом внутренних и внешних угроз. Концепции гражданской нации и «Русского мира», осмысленные не только в политическом, но и в цивилизационно-сетевом ключе, предлагают возможные рамки для такой интегрирующей идеи в условиях этнокультурного многообразия и глобальной взаимосвязанности. Но дискурс по этому вопросу не завершён.

Поиск российской идентичности продолжается. Его успех зависит от способности синтезировать историческое наследие с вызовами современности, совместить укрепление гражданского единства с признанием множественности идентичностей, а также найти такие способы мышления и формы социальной организации, которые обеспечат обществу онтологическую безопасность, смысловую устойчивость и потенциал для развития в стремительно меняющемся мире.

Библиография

- Брунс А. Реальна ли стена фильтров? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 120 с.
- Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
- Вахитов Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Миф. М.: «Владимир Даль», 2023. 239 с.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.
- Гольцов В.И. Официальная идеология самодержавия XIX – начала XX вв. // Исторический вестник. 2021. Т. XXXIX. С. 12–55.
- Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.
- Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия: публицистика 1991–1995. М.: Республика, 1996. 367 с.
- Логинов А.В. Евразия и ислам: евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизованном единстве России-Евразии. М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. 342 с.
- Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М.: Большая Российская энциклопедия, 2013. 551 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с.

Мещерякова Н.Н. Аномия в сложном обществе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2(35). С. 201–207.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

Пузанова Ж.В. Социологическое измерение одиночества: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.01 / Пузанова Жанна Васильевна; [Место защиты: ГОУВПО «Российский университет дружбы народов»]. Москва, 2009. 298 с.

Тейлор Ч. Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. 2006. № 2(53). С. 130–131.

Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023. 69 с.

Тишков В.А. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 января.

Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925, 60 с.

Щедровицкий П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения // Независимая газета. 2000. 14. 02. URL: <https://web.archive.org/web/20191228053029/http://www.shkp.ru/lib/publications/25/print> (дата обращения: 22.02.2026).

Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 594 p.

Ejdus F. Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession Springer Nature Switzerland AG, 2020. 202 p.

Götz E., Merlen C.R. Russia and the question of world order // European Politics and Society. 2019. 20/2. 133–153.

Granovetter M.S. The strength of weak ties // American Journal of Psychology. 1973. 78/6. P. 1360–1380.

Hutchinson J., Smith A.D. Nationalism: Critical Concepts in Political Science. Front Cover. Routledge, 2000. 2096 p.

Melucci A. Nomads of the Present. Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society, edited by John Keane and Paul Mier, Philadelphia: Temple University, 1989. 288 p.

Rainie L., Wellman B. Networked: The New Social Operating System. The MIT Press, 2012. 358 p.

Sztompka P. Society in Action: the Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991. 211 p.

Taylor Ch. A Secular Age. Harvard University Press, 2007. 219 p.

References

Bourdieu P. O gosudarstve: kurs lektsii v Kollezh de Frans (1989–1992) [On the State: Lectures at the Collège de France (1989–1992)]. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2016. 720 p. (In Russ.)

Bruns A. Real'na li stena fil'trov? [Is the filter wall real?]. Moscow: Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2023. 120 p. (In Russ.)

Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 594 p.

Dugin A.G. Evraziiskii revansh Rossii [The Eurasian Revanche of Russia]. Moscow: Algoritm, 2014. 256 p. (In Russ.)

Ejdus F. Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession Springer Nature Switzerland AG, 2020. 202 p.

Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress, 1991. 320 p. (In Russ.)

Giddens A. Posledstviya sovremennosti [The Consequences of Modernity]. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2011. 352 p. (In Russ.)

Gol'tsov V.I. Ofitsial'naya ideologiya samoderzhaviya XIX – nachala XX vv. [The Official Ideology of the Autocracy in the 19th – Early 20th Centuries]. Istoricheskii vestnik [Historical Herald]. 2021. Vol. XXXIX. P. 12–55. (In Russ.)

Götz E., Merlen C.R. Russia and the question of world order. European Politics and Society. 2019. N 20 / 2. P. 133–153.

Granovetter M.S. The strength of weak ties. American Journal of Psychology. 1973. N 78 / 6. P. 1360–1380.

Hutchinson J., Smith A.D. Nationalism: Critical Concepts in Political Science. Front Cover. Routledge, 2000. 2096 p.

Loginov A.V. Evraziya i islam: evraziiskii vektor: musul'manskaya religioznaya i obshchestvenno-politicheskaya mysl' o tsivilizovannom edinstve Rossii-Evrazii [Eurasia and Islam: The Eurasian Vector: Muslim Religious and Socio-Political Thought on the Civilized Unity of Russia-Eurasia]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2017. 342 p. (In Russ.)

Loginov A.V. Rossiya i Evraziya. Evraziiskii vektor: poiski rossiiskoi tsivilizatsionnoi identichnosti v XX stoletii [Russia and Eurasia. The Eurasian Vector: The Search for Russian Civilizational Identity in the 20th Century]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2013. 551 p. (In Russ.)

Martin T. Imperiya «polozhitel'noi deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939 [The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina», 2011. 855 p. (In Russ.)

Melucci A. Nomads of the Present. Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society, edited by John Keane and Paul Mier, Philadelphia: Temple University, 1989. 288 p.

Meshcheryakova N.N. Anomiya v slozhnom obshchestve [Anomie in a Complex Society]. Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2014. N 2(35). P. 201–207. (In Russ.)

Parsons T. O strukture sotsial'nogo deistviya [The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2000. 880 p. (In Russ.)

Puzanova Zh.V. Sotsiologicheskoe izmerenie odinochestva [Sociological Dimension of Loneliness]: PhD Thesis in Sociology: 22.00.01. Moscow. 2009. 298 p. (In Russ.)

Rainie L., Wellman B. Networked: The New Social Operating System. The MIT Press, 2012. 358 p.
Shchedrovitskii P.G. Russkii mir. Vozmozhnye tseli samoopredeleniya [The Russian World. Possible Goals of Self-Determination]. Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]. 2000. Feb. 14, URL: <https://web.archive.org/web/20191228053029/http://www.shkp.ru/lib/publications/25/print> (accessed: 22.02.2026). (In Russ.)

Sztompka P. Society in Action: the Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991. 211 p.

Taylor Ch. A Secular Age. Harvard University Press, 2007. 219 p.

Taylor Ch. Pochemu demokratiya nuzhdaetsya v patriotizme [Why Democracy Needs Patriotism]. Logos [Logos]. 2006. N 2(53). P. 130–131. (In Russ.)

Tishkov V.A. Natsiya natsii: o podkhodakh k ponimaniyu Rossii [A Nation of Nations: On Approaches to Understanding Russia]. Moscow: IEA RAN, 2023. 69 p. (In Russ.)

Tishkov V.A. Rossiya kak natsional'noe gosudarstvo [Russia as a Nation-State]. Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]. 1994. January 26. (In Russ.)

Trubetskoi N. Nasledie Chingiskhana. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [The Legacy of Genghis Khan. A Look at Russian History not from the West, but from the East]. Berlin, 1925. 60 p. (In Russ.)

Vakhitov R. Evraziistvo: Logos. Eidos. Mif [Eurasianism: Logos. Eidos. Myth]. Moscow: «Vladimir Dal'», 2023. 239 p. (In Russ.)

Zinov'ev A.A. Postkommunisticheskaya Rossiya: publitsistika 1991–1995 [Post-Communist Russia: Journalism 1991–1995]. Moscow: Respublika, 1996. 367 p. (In Russ.)